

Copyright © 2021 by Cherkas Global University
 Copyright © 2021 by Academic Publishing House Researcher s.r.o.

Published in the USA
 Co-published in the Slovak Republic
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.

E-ISSN: 2310-0028
 2021. 16(2): 452-460.
 DOI: 10.13187/bg.2021.2.452
 Journal homepage: <http://ejournal52.com>

The Main Behavioral Models of the Population of the Belgorod Line in the middle of the 17th century

Denis A. Lyapin ^{a, *}

^a Bunin Yelets State University, Russian Federation

Abstract

In the 1640–50s, to protect the southern borders of the country, an extensive complex of fortifications was erected, which was called the "Belgorod Line". The study of its history is of great interest to the scientific community. Recently, scientists have been studying this structure a lot. They want to understand how the construction process took place and the accompanying social and military transformations were carried out in the South of Russia. The author of the article focuses on the behavioral models of the local population. These are personality traits necessary to help people cope with everyday difficulties and realize their life attitudes, norms and values in certain conditions. This important topic remains outside the attention of the scientific community.

The article provides various examples of the behavior of service people: proactive participation in hostilities, their inherent paternalism and collectivism, the prevalence of public interest over private interests in their environment, the peculiarities of the mentality and world perception of the population are considered. The actions of people were determined by general ideas about service as the most important category of social life. In this regard, an important feature of human behavior was his initiative and perception of his interests in the context of actions for the benefit of the whole team. The team was more important than the person.

In conclusion, it is concluded that the models of human behavior that existed in the 17th century contributed to the successful construction of the Belgorod line, they made a person feel part of various social groups and be guided by a single goal. War was perceived as an integral feature of the general world order. Thus, the effective construction and functioning of the fortresses of the Belgorod line was directly related to the behavioral models of the local population.

Keywords: Belgorod line, Central Black Earth region, service people, behavioral models, war, steppe, Tatars.

1. Введение

Поведенческие модели представляют собой сложный комплекс поведенческих реакций, обусловленных окружающими обстоятельствами, природными и общественными манипуляциями. По своей сути они призваны помочь людям справляться с повседневными трудностями и реализовывать свои жизненные установки, нормы и ценности в определенных условиях. Изучение поведенческих моделей населения в эпоху Нового времени может эффективно осуществляться в рамках социальной истории, поскольку каждый индивид был частью социума и в силу этого обстоятельства являлся носителем поведенческих норм, присущих своей группе. В связи с этим представляется возможным говорить не столько о поведенческих моделях вообще, сколько о социальном поведении человека в определенных исторически сложившихся обстоятельствах.

* Corresponding author

E-mail addresses: lyapin-denis@yandex.ru (D.A. Lyapin)

2. Материалы и методы

В рамках данной статьи предлагается в общих чертах рассмотреть поведенческие модели служилого населения Белгородской черты, строительство которой происходило в 30–50-е годы XVII в. Этот пример представляется нам особенно удачным для изучения социального поведения человека. Белгородская черта представляла собой огромный комплекс сооружений, грандиозный по своему масштабу, и населению пришлось приложить массу усилий, чтобы в условиях постоянной войны с крымскими татарами построить этот военно-оборонительный комплекс в окраинном степном регионе. По-видимому, большую роль здесь сыграли существующие способы социальной организации, обусловленные присущими людям поведенческими моделями. Люди того времени были объединены целой сетью горизонтальных связей: так называемая «большая семья», община, социальная группа, слобода, военное подразделение, приход храма, деловое партнерство – все эти объединения делали «мир» прочным, устойчивым в трудных специфических условиях жизни, образовывалось единое сообщество, члены которого были готовы к эффективной совместной деятельности.

Итак, мы должны внимательно отнестись к человеку, который, будучи единицей различных социальных групп, находил тем самым наилучший способ получать результат в окружающих обстоятельствах. Поскольку человек XVII в. всегда был частью группы, то изучать необходимо весь коллектив, т.е. ту систему горизонтальных связей, которая возникает между людьми, находящимися на одной социальной ступени.

В рамках проведенного исследования были изучены материалы Белгородского стола Российского государственного архива древних актов (РГАДА). Сделанные нами наблюдения легли в основу этой статьи. В своей работе мы обращались к набору методов, характерных для социальной истории (анализ и синтез, обобщение данных, сравнительный анализ социальных систем). Важную роль для нас играл историко-антропологический подход, обращающий особое внимание на человеческий фактор в истории, на личность и социум как особые феномены в историческом пространстве, действующие в сложившихся условиях, исходя из собственной системы мировосприятия, ментальности и представлений. Этот подход позволил нам уделять особое внимание межличностному и межгрупповому взаимодействию.

3. Обсуждение

Поведенческие модели населения Белгородской черты до сих пор целенаправленно не изучались. Тем не менее существует несколько работ, связанных с рассмотрением психологии и мировоззрения различных социальных групп допетровской России. Это прежде всего книга Е.Н. Швейковской о крестьянах русского Севера в конце XVI – начале XVIII вв. (Швейковская, 2012). В результате проведенной работы автору удалось собрать много фактического материала, подвергнуть анализу частную жизнь крестьянина, показать ценности сельских жителей. Вызывает интерес и работа О.Г. Усенко о психологии социального протеста в России XVII–XVIII вв. (Усенко, 1994). Историк обратил справедливое внимание на необходимость изучения особенностей поведения простого человека, его менталитета и мировоззрения. Способы самовыражения людей XVII в., их политические идеалы и нравственные ориентиры стали предметом изучения В.Я. Мауля, которого прежде всего заинтересовал так называемый «русский бунт», где хорошо проявились качества представителей низов (Мауль, 2003).

4. Результаты

Прежде чем перейти к анализу поведенческих моделей служилого населения Белгородской черты, скажем несколько слов о его социальном составе. Основную массу здесь составляли дети боярские – помещики, представлявшие собой военную кавалерию. До середины XVII в. они были объединены в единую корпорацию – служилый «город», куда входили представители одного уезда. Военные реформы 1650-х годов изменили это правило, организуя служилое население не по принципу земельного владения в том или ином уезде, а по принадлежности к определенному роду войск. В это же время появились военные организации полков нового строя: рейтары, драгуны, солдаты, копейщики. Прочие служилые люди (стрельцы, казаки, пушкари) включались в состав различных полковых подразделений и состояли обычно из десятков, полусотен и сотен (Беницианов, 2019: 232, 266). Дети боярские южных уездов в большинстве своем не имели крестьян на землях и были вынуждены обрабатывать пашню силами своей семьи. Постепенно за такими помещиками закрепился термин «однородцы». Они объединялись в сельские общины, чтобы помогать друг другу в ведении хозяйства (Ляпин, 2020: 62-78).

Несмотря на то, что социальный состав населения региона Белгородской черты был довольно разнообразным и не отличался стабильностью, по большому счету это был набор неоднородных служилых групп, перемены внутри которого происходили в зависимости от военных нужд государства. Поэтому именно война была самой важной составляющей повседневной жизни представителя любой из местных социальных групп. Нападения татар на южнорусские уезды, где проходила Белгородская черта, начинались с апреля и прекращались только в ноябре, когда выпадали первые большие снега. Обычная тактика кочевников сводилась к тому, чтобы разделиться

на мелкие отряды и совершать нападения в разных направлениях, поскольку так было легче всего захватить людей и скот, а потом угнать добычу в Крым (Глазьев, 2006: 5). Торговля пленными была существенной статьёй дохода для населения Крымского ханства, довольно бедного природными ресурсами (Новосельский, 1948). Набеги татар часто походили на грабительские рейды, но иногда крымские власти организовывали масштабные военные походы на южные рубежи России, особенно когда Москва вела войну на западных границах (Ляпин и др., 2020: 85).

Жители южной окраины должны были постоянно думать о собственной защите (справиться силами только своей семьи с регулярно нападавшими врагами было, конечно, невозможно). В итоге им приходилось объединяться и постоянно контролировать определенные участки на подъездах к каждому населенному пункту. Воевода был обязан обеспечивать защиту вверенного ему уезда, но уследить за каждым вражеским отрядом в десяток человек патрульной службе было не так просто. Переписываясь между собой, воеводы крепостей Белгородской черты получали информацию о передвижении крупных татарских отрядов, но часто она оказывалась неверной или весьма приблизительной (Ляпин, Прошунина, 2019: 28).

Обычно жители уезда имели возможность укрыться в крепости во время любого набега. Однако нападений было так много, что постоянно отсиживаться за высокими стенами в то время, когда следовало заботиться об урожае, было невыгодно. Татарский отряд мог взять в плен несколько человек, а вот голод, неизбежно последовавший, если заранее не позаботиться о хлебе, обрекал на смерть гораздо большее число людей. В итоге приходилось идти на риск: попасть в «полон» или погибнуть. Сельский «мир» был готов потерять несколько человек, но продолжить хозяйственные работы, чтобы собрать урожай, необходимый для выживания коллектива. Не стоит сомневаться в том, что татары тоже понимали привязанность русского земледельца к своему хозяйству и пользовались этим в своих интересах. Как правило, интенсивность набегов возрастала в конце августа.

Заботясь о том, чтобы не попасть в плен и не подвергнуться разорению, сельские жители укрепляли свои деревни, превращая их в небольшие крепости, недолговечные, но вполне надежные временные укрепления (Ляпин, 2020: 79). Иногда в крупных селах жители возводили целый острог, куда в случае опасности сбегалось население соседних деревень (Ляпин, 2020: 80). Такие укрепления были эффективны, если численное соотношение нападавших и защитников было примерно одинаковым, но крупная татарская армия, конечно, сжигала и сметала их на своем пути. Так случилось, например, летом 1643 г., когда несколько поселений на севере Воронежского уезда были полностью уничтожены в ходе большого набега кочевников (Княжинский, 1995: 26-30).

Население иногда предпочитало укрываться от вражеского нападения в лесу. Вследствие этого сельские жители старались расположить свои пашни рядом с крупным лесным массивом, а в лесной чаще разбивали огороды и ставили небольшие избы «на убог от татарской войны» (Камараули, 2018: 101-102). Здесь же хранили запасы, необходимые для выживания коллектива деревни. У нас нет сведений о том, что эти меры были распространенным явлением, видимо, эффективность их было незначительной.

Так или иначе, постоянное противостояние с татарами вырабатывало чувство взаимовыгодной коллективной поддержки и взаимопомощи. Таким образом, получала развитие важная модель поведения человека – готовность идти на жертвы ради общего блага. Однако не чувство братского единства, а суровые реалии жизни поддерживали устойчивость данной поведенческой нормы. Не случайно к концу XVII в., когда граница уходит на юг, это явление также остается в прошлом. Люди петровской эпохи уже не выказывали социальной сплоченности в занятиях сельским трудом (Ляпин и др., 2020).

Белгородская черта располагалась на обширных лесостепных пространствах, богатых самыми различными ресурсами. Каждый служилый человек мог взять в аренду участок реки или леса: в реках ловили рыбу и бобров, в лесу собирали мед и охотились. Промысловая деятельность способствовала хозяйственному развитию региона и вносила разнообразие в повседневное существование человека. Однако заниматься ею в одиночку было практически невозможно, и арендаторами выступали целые группы местных жителей. Объединяясь в небольшие отряды, они ходили в степные «ухожаи» для добычи рыбы и зверя, устраивали бобровые гоны, а иногда отправлялись еще дальше – на заработки к донским казакам или на Волгу, где целый год «кормились» охотой и рыбалкой (Куц, 2009: 92; Загоровский, 1991: 92). Эффективность подобных мероприятий могла быть большой только в условиях совместной деятельности (РГАДА. Ф. 210. Оп. 12. Д. 16. Л. 250-252, 556-560).

Дон всегда манил жителей окраины, желающих заработать на торговле, ведь казаки почти ничего не производили, но имели деньги и ценные вещи, «добытые» в боях с татарами и турками. Разумеется, ездить на Дон с товаром поодиночке было рискованным занятием, и предприимчивое население крепостей объединялось в «караваны» для прибыльных путешествий к казакам через Степь. Подобного рода торговля приносила хороший доход, особенно если речь шла о ценившихся на Дону зерне и железных изделиях. Совместные походы были частым явлением, хотя и очень опасным в условиях степного пограничья. Отправляясь на промыслы, люди были предоставлены сами себе, и воевода крепости уже не нес за них ответственности. Если при нападении татар в уезде он предлагал

населению укрыться в крепости и посылал военные отряды в небольшие поселения, чтобы спасти людей, то далеко в Степи каждый должен был полагаться только на себя (Stevens Belkin, 1995: 15-16).

В промысловой деятельности так же, как и на войне, проявилось стремление человека пойти на риск, положиться на удачу, чтобы заработать и жить хотя бы некоторое время в достатке. Такая поведенческая модель была довольно распространенной и выливалась даже в организацию совместных разбойных отрядов (Ляпин, 2020: 81-87). Жители села или деревни выходили на большую дорогу, чтобы грабить проезжавших там, где те не опасались татарской угрозы: в лесу или возле русских поселений. Такой разбой приносил время от времени большой доход местному «миру», хотя являлся рискованным занятием. Кроме русского населения, такая форма коллективного поведения была характерна для черкас – выходцев с Украины, активно заселявших земли Белгородской черты в 1650–1660-е годы (Папков, 2017).

Еще одна важная особенность менталитета населения Белгородской черты – отношение к войне. Вообще в XVII в. не только в России, но и в Европе война представлялась людям как нечто само собой разумеющееся, естественная форма решения конфликта (Chagniot, 2001: 71). На войне можно было сделать быструю карьеру, хотя для этого необходимо было пойти на риск.

Для населения Белгородской черты война была не просто чередой сражений, периодически случающихся в интересах правящих особ, когда полководцы по всем правилам военного искусства выстраивали свои полки для очередного боя. Война являлась реальностью их повседневной жизни. Но также, как и повсеместно в эпоху XVII в., военная доблесть помогала человеку добиться денежного вознаграждения и увеличить размер своих владений, получить почет и славу, заработать авторитет. Служилые люди, отличившиеся во время боев с татарами, могли рассчитывать на то, что им удастся занять хорошую доходную должность в своем уезде или попасть на службу в Москву.

До нас дошли списки участников сражений, которые составлял воевода. Их имена были записаны в столбик, и напротив некоторых ставились пометы: «государю служил, бился явственно», «ранен в плечо», «да по нем четыре раны сабельных», «убил мужика» (Царские грамоты, 1859: 244-246). Списки отсылались в Москву и служили основаниями для выплат и назначений местному гарнизону. Дошли до нас и другие списки, куда записывали погибших, взятых в плен и бежавших со службы. После каждого крупного набега воеводы составляли на основании «сказок» (расспросов населения) перечни убитых, пленных, фиксировали угнанный скот и сгоревшие постройки.

Стремясь защититься от разорительных набегов, жители южных уездов первыми обращались к местной власти с просьбами разрешить им построить укрепления, защищавшие их поселения и пашни. Особенно это было важно на открытых пространствах, где не было густого леса или полноводной реки. К примеру, мелкие помещики, жившие между Елецким и Воронежским уездами, предложили в 1639 г. построить возле своих домов ров, вал и частокол, чтобы перегорудить проходивший здесь татарский путь (Devies, 2004: 133-136). Они были готовы потратить собственное время и силы на то, чтобы избавиться от ежегодных разорительных набегов. Воевода Воронежа С.М. Вельяминов дал свое разрешение на строительство укрепленной линии, а затем в Москве, узнав об инициативе жителей, предложили построить в этом месте острог, обещая людям финансовую поддержку. Пока воевода выбирал место под острог, ему пришел новый указ: возвести здесь полноценную крепость. Во время строительства местный «мир» разделял обязанности между собой: одни патрулировали Степь, другие работали на пашне, третьи строили укрепления. Так в 1645 г. появилась крепость Усмань, закрывшая один из традиционных татарских путей в верховья Дона (Княжинский, 1995: 30).

Постройка крупной крепости Усмань является очень показательным примером. Здесь наглядно проявили себя общие слаженные действия власти и местного «мира», соединенные совместным интересом в борьбе с татарской угрозой. Еще один пример подобного рода – просьба курских и белгородских служилых людей о постройке крепости Обоянь в 1638 г. Об этом докладывал в Разрядный приказ воевода Белгорода Петр Пожарский. Местные жители обратились к нему с просьбой соорудить небольшую крепость, чтобы обезопасить от татар свои земли. Они сообщили, что на реке Бая есть удобное место в 60 верстах от Курска и 60 – от Белгорода, где находится старое городище, как раз рядом с татарской сакмой (сакма – путь в степи). Однако патрулирующие степь отряды доходят сюда с большим трудом по причине отдаленности, да и находиться здесь долго для них слишком опасно. При этом в этих местах расположены большие луга и поля, удобные для пашни, а также старый лес, огромные деревья которого были пригодны для строительных работ. Местные жители уверяли, что готовы начать постройку новой крепости сами, как только «государь укажет». В Москве одобрили эту инициативу и приказали воеводе составить чертеж будущих крепостных укреплений (Отписка Белгородского воеводы..., 1894: 69-70). В 1635 г. в Орловском уезде служилые люди, не дожидаясь разрешения из Москвы и без всяких согласований с воеводой, сами поставили четыре острога, чтобы укрываться в них «в приход воинских людей» с крестьянами, женами и детьми (Отписка мценского воеводы..., 1894: 4).

Поведенческие модели населения нашли свое отражение еще в одном явлении – добровольном уходе на фронт. Узнав о том, что московский царь начал войну с одним из своих «недрузей», служилые люди, не попавшие в полки, объединялись в группы и сами отправлялись на врага.

В документах они обычно обозначались как «охочие люди». По сути это были добровольцы, вызвавшиеся поучаствовать в военных действиях самостоятельно. Трудно сказать, что руководило ими: было ли это просто желанием заработать во время ограбления земель врага или же неким патриотическим порывом. «Охочие люди» всеми способами старались продемонстрировать свою религиозную и политическую принадлежность Москве, причиняя врагу всевозможный ущерб.

Например, во время Смоленской войны 1632–1634 гг. «охочие люди» объединились в небольшие группы, а затем – и в отряды по 200–300 человек, ушли на запад, пересекли границу Литвы и вредили неприятелю тем, что грабили население, разоряли деревни, нападали на военные отряды. Среди участников таких самостоятельных походов были не только стрельцы или казаки, но и крестьяне. Военная активность этих отрядов раздражала Москву. Скоро была послана специальная грамота от царя Михаила Федоровича, в которой требовалось прекратить всякие походы на врага, поскольку «в Московском государстве николи не повелось – без нашего царского указа собираться и в войну ходить!» (Поршнеv, 1957: 124). Однако количество добровольцев, ушедших в Литву и действовавших на вражеских землях самостоятельно, было так велико, что правительство в конце концов предложило всем перейти на службу в царские полки (Поршнеv, 1957: 121-140).

Служилое население активно привлекалось к строительству новых городов-крепостей. Показательна, к примеру, коллективная челобитная служилых людей Курска с просьбой освободить их от сторожевой службы до тех пор, пока они не оправятся от участия в строительстве Чугуева в 1639 г. Явившись для постройки этой новой крепости, куряне не получили никакого инвентаря и вскоре убедились, что им предстоит копать очень каменистую землю. В итоге за свой счет им пришлось нанимать «литовских людей» для этих работ и потратить на это много денег. Теперь же «бедные и разоренные» служилые люди просили дать им время, чтобы пополнить свои запасы и отдохнуть. В Разрядном приказе разрешили им в течение года не участвовать в патрульной службе, но «по большим вестям быть» (т.е. в случае нападения крупной вражеской армии являться в крепость для обороны) (Челобитные курчан..., 1894: 119).

Следует также отметить, что служилое население Белгородской черты принимало участие во всех крупных войнах, которые вела Россия на западе. В итоге потери местных гарнизонов были так велики, что после 1660 г. здесь образовался большой фонд пустующих земель. Чтобы остановить запустение поместий, правительство начало раздачу этих земель черкасам, казакам и представителям полков нового строя (рейтарам, драгунам, солдатам) (РГАДА. Ф. 210. Оп. 16. Д. 143. Л. 3-43; Оп. 7а. Д. 38. Л. 2-170б.). В 1667 г. помещикам было разрешено передавать свои земли соседям, родственникам и всем желающим служилым «по отечеству», что способствовало переселению в южные уезды новых землевладельцев (Важинский, 1974: 128).

Формы поведения людей, их жизнь и судьба всегда тесно связаны с эпохой, в которой они живут. XVII столетие было периодом ухода средневековых идеалов и формирования новых ценностных ориентиров, связанных с ростом индивидуальности и стремления к достатку (Усенко, 1994: 16-17). Большинство жителей крепостей Белгородской черты были неграмотны, но никто не испытывал от этого каких-либо больших неудобств, ведь грамотность воспринималась как практический навык, значимый только для конкретной государственной работы. Например, умение писать и считать нужны были для того, чтобы служить целовальником в приказной избе, в кабаке или в таможне. Эти должности, однако, не считались особенно престижными и часто были скорее повинностями для местного «мира», поэтому и грамотность не воспринималась как важная способность. Только должность губного старосты, также требовавшая знания грамоты, заслуживала уважения у населения, поскольку давала много возможностей для повышения личного благосостояния.

Как правило, в пределах крепости грамотным был воевода, но он редко пользовался этим навыком для написания делопроизводственных бумаг. Хотя в повседневной жизни ему приходилось много раз братья за перо, писать документы в Москву он решительно отказывался, полагая, видимо, что это занятие его недостойно. Важно отметить, что умение читать не использовалось людьми того времени для развлечения или проведения досуга – это был практический навык, и в целом в обществе господствовала устная культура. Грамотность давала возможность заработать небольшие средства, но не являлась обязательным условием для успешной карьеры.

Может быть, именно в условиях отсутствия достаточного числа грамотных людей большое распространение получали слухи и сплетни, часто обрастающие самыми фантастическими подробностями (Ляпин, 2018: 167-192). Яркий пример господства слухов и легковерия жителей Белгородской черты – «всполохи», так назывались сведения о нападении татар, которые заставляли местное сообщество предпринимать ряд оборонных мер, хотя часто они были неверны и никаких татар на самом деле не было. Рассмотрим один подобный случай, произошедший в 1665 г. (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 855. Л. 14-476).

В начале августа этого года в Гремячий острог (на юг рязанских земель) ехал местный помещик Степан Левашов «для своего дела» вместе со своим холопом Сысоем Изосимовым. Они сильно спешили, и в дороге у Левашова разболелась голова, которую он замотал тряпкой. Местные жители, увидев торопящегося служилого человека с «раненой» головой, решили, что нападают татары. Слухи

распространялись быстрее, чем ехали путники. В одном из сел им навстречу выбежала целая толпа, уже уверенная в нападении врага, люди спешили в лес с криками: «*Татарове, татарове!*» Вскоре слухи об израненном помещике дошли до воевод, и Рязань, Пронск, Сокольск, Елифань, Воронеж, Данков, Михайлов, Лебединь, Костенск, Коротояк перешли на осадное положение. Люди уже были уверены, что «*Степана под Гремячим изрубили*» (РГАДА. Ф. 210. Оп. 13. Д. 855. Л. 476). Такова была власть слухов над людьми, измученными постоянными внезапными татарскими набегами.

Еще одна особенность менталитета жителей Юга России – их представления о времени всегда были расплывчаты и неточны. Люди жили в рамках церковного календаря, опираясь на праздники (в том числе и подвижные) как точки отчета: «*за две недели до Велика дня* (т.е. Пасхи)», «*неделю после Троицына дни*», а в 1638 г. воронежскую помещицу ограбили соседи «*за неделю до Вербного воскресенья с понедельника на вторник*» (ГАВО. Ф. И-182. Оп. 4. Д. 7. Л. 1-2). При этом время для человека той эпохи шло как бы по кругу, было замкнуто, и, следовательно, в народной культуре длительная история почти полностью отсутствовала. У нас нет никаких сведений о том, что население южных крепостей интересовалось прошлым своего региона в познавательном отношении. Составлявшие отчеты (сметные росписи) в Москву воеводы во второй половине XVII в. часто отмечали, что жители не могут точно сказать, когда была построена их крепость. Местные власти сетовали на то, что эти сведения вообще невозможно ни от кого получить, хотя с момента постройки самых старых крепостей региона прошло всего 70–80 лет.

Впрочем, помещики в условиях местничества и постоянных земельных споров хорошо помнили имена своих предков и некоторые связанные с их историей события. Например, свою родословную роспись в 1682 г. в Разрядный приказ подал елецкий помещик Елифан Иванович Бехтеев (РГАДА. Ф. 210. Оп. 18. Д. 50. Л. 1). Его рассказ, вызванный практической необходимостью, довольно сух, хотя содержит любопытное семейное предание о предке Вороне Бехтееве (никаких исторических сведений о нем нет), сын которого Елисей якобы служил Ивану Грозному. При этом сам Елифан Иванович был представителем уже седьмого поколения своего рода. Однако и в этом интересе к генеалогии на первом месте была практическая необходимость: знать историю своего рода было важно в случае местнического счета, а также – в различного рода земельных спорах.

5. Заключение

Итак, мы рассмотрели некоторые поведенческие модели населения Белгородской черты в контексте социальной истории региона. По своей сути действия людей определялись общими представлениями о службе как о важнейшей категории общественной жизни. В этой связи важной чертой поведения человека была его инициативность и восприятие своих интересов в контексте действий ради пользы всего коллектива. Жизненная предприимчивость и практичность способствовали тому, что служилые люди, жившие вокруг крепостей, в борьбе с татарами не только прятали имущество в лесу и ставили острог вокруг своей деревни, но предпринимали куда более эффективные действия: сооружали валы, рвы, ставили частоколы и небольшие остроги на татарских шляхах. Власть подхватывала эту инициативу и предлагала идти еще дальше, а именно – возводить новые крепости, гарнизон которых смог бы контролировать построенные населением укрепления, защищавшие их земли. Воеводе поручалось активно помогать строителям ремонтировать поврежденные участки и возводить силами гарнизона новые валы и рвы для защиты уезда. В конце концов это массовое инициативное строительство и вылилось в создание единой Белгородской черты. В основе этого процесса, как мы видели, лежал коллективный, общественный интерес, выработанная годами привычка действовать сообща, жертвовать малым ради большого.

6. Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО "Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина".

Литература

- Бенцианов, 2019 – Бенцианов М.М. «Князья, бояре и дети боярские». Система служебных отношений в Московском государстве в XV–XVI вв. М.: Центрполиграф, 2019. 351 с.
- Важинский, 1974 – Важинский В.М. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж: Изд-во ВГПИ, 1974. 237 с.
- ГАВО – Государственный архив Воронежской области.
- Глазьев, 2006 – Глазьев В.Н. Противоборство в степном пограничье в 20–40-е годы XVII века: русские и татары // *Исторические записки ВГУ*. 2006. Вып. 10. С. 5-12.
- Загоровский, 1991 – Загоровский В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Российского государства в XVI веке. Воронеж: Изд-во ВГУ, 1991. 269 с.
- Камараули, 2018 – Камараули Е.В. Формирование поселенческой структуры в южных уездах России в первой половине XVII в. (на примере Воронежского уезда) // *История: факты и символы*. 2018. № 3 (16). С. 97-105.

- Княжинский, 1995** – *Княжинский Б.П.* Очерки по истории Усманского края (XVII–XIX столетия). Липецк: Новая жизнь, 1995. 271 с.
- Куц, 2009** – *Куц О.Ю.* Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина. СПб.: Дмитрий Буланин, 2009. 456 с.
- Ляпин, 2020** – *Ляпин Д.А.* На окраине царства: повседневная жизнь населения на Юге России в XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2020. 416 с.
- Ляпин, 2018** – *Ляпин Д.А.* Царский меч: социально-политическая борьба в России в середине XVII в. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. 336 с.
- Ляпин и др., 2020** – *Ляпин Д.А., Афанасьева И.Н., Коршикова Е.А.* Некоторые формы организации пространства повседневности населения крепостей-городов Центрально-Черноземного региона России в XVII – первой половине XVIII вв. // *История: факты и символы.* 2020. № 1 (22). С. 85-93.
- Ляпин, Прошунина, 2019** – *Ляпин Д.А., Прошунина Е.В.* Документы о Русско-турецкой войне 1672–1681 гг. в фондах государственного архива Воронежской области // *Filo Ariadne.* 2019. № 3. С. 21-30.
- Мауль, 2003** – *Мауль В.Я.* Харизма и бунт: психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 217 с.
- Новосельский, 1948** – *Новосельский А.А.* Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.-Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1948. 448 с.
- Отписка Белгородского воеводы...** – Отписка Белгородского воеводы об отсылке в Розряд челобитной курчан и белгородцев, в коей они просят о постройке Обоянского городища // АМГ / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Изд-во типографии императорской академии наук, 1894. Т. II. С. 69-70.
- Отписка мценского воеводы...** – Отписка мценского воеводы, что Орляне, дворяне, дети боярские и всякие уездные люди, поставили в Орловском уезде четыре острожка, где хотят сидеть в приход воинских людей с женами и с людьми // АМГ / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Изд-во типографии императорской академии наук, 1894. Т. II. С. 4.
- Папков, 2017** – *Папков А.И.* Бунт или измена? Восстания служилых черкас на юге России в 40-е годы XVII века // *История: факты и символы.* 2017. № 4 (13). С. 24-36.
- Поршнев, 1957** – *Поршнев Б.Ф.* Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны // *История СССР.* 1957. № 5. С. 112-140.
- РГАДА** – Российский государственный архив древних актов.
- Усенко, 1994** – *Усенко О.Г.* Психология социального протеста в России XVII–XVIII веков. Тверь: Изд-во ТГУ, 1994. Ч. 1. 91 с.
- Царские грамоты...** – Царские грамоты на Корочу воеводам и челобитные корочан царям // ЧОИДР. М.: Университетская типография, 1859. Кн. 2. С. 244-246.
- Челобитье курчан...** – Челобитье курчан детей боярских об освобождении их на лето от сторожевой и патрульной служб, пока они поправятся от постройки Чугуева // АМГ / Под ред. Н.А. Попова. СПб.: Изд-во типографии императорской академии наук, 1894. Т. II. С. 119.
- Швейковская, 2012** – *Швейковская Е.Н.* Русский крестьянин в доме и мире: Северная деревня конца XVI – начала XVIII века. М.: Индрик, 2012. 366 с.
- Chagniot, 2001** – *Chagniot J.* Guerre et societeal' epoque modern. Paris: Presses Universitaires de France, 2001. 260 p.
- Devies, 2004** – *Devies L.B.* State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York: Palgrave Macmillan, 2004. 308 p.
- Stevens Belkin, 1995** – *Stevens Belkin C.* Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois: Northern Illinois University Press, 1995. 241 p.

References

- Bentsianov, 2019** – *Bentsianov, M.M.* (2019). «Knyaz'ya, boyare i deti boyarskie». Sistema sluzhebnykh otnosheniy v Moskovskom gosudarstve v XV–XVI vv. ["Princes, boyars and boyar children." The system of service relations in the Moscow state in the 15th – 16th centuries]. Moscow, Tsentrpoligraf. 351 p. [in Russian]
- Chagniot, 2001** – *Chagniot, J.* (2001). Guerre et societeal' epoque modern [War and society in the modern era]. Paris, Presses Universitaires de France, 2001, 260 p. [in French]
- Chelobit'e kurchan...** – Chelobit'e kurchan detey boyarskikh ob osvobozhdenii ikh na leto ot storozhevoy i patrol'noy sluzhby, poka oni popravlyatsya ot postroyki Chugueva [Letters of Kurchans of «dety boyrskie» about releasing them for the summer from guard and patrol services, while they recover from the construction of Chuguev]. АМГ / pod red. N.A Popova. Sankt-Petersburg, Tipografii imperatorskoy akademii nauk, T. II, p. 119. [in Russian]
- Devies, 2004** – *Devies, L.B.* (2004). State power and community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635-1649. New York, Palgrave Macmillan, 308 p.
- GAVO** – Gosudarstvennyy arkhiv Voronezhskoy oblasti [State archive of the Voronezh Region]. [in Russian]

Glaz'ev, 2006 – *Glaz'ev, V.N.* (2006). Protivoborstvo v stepnom pogranich'e v 20-40-e gody XVII veka: russkie i tatory [Confrontation in the steppe borderlands in the 20-40s of the 17th century: Russians and Tatars]. *Istoricheskie zapiski VGU*. 10: 5-12. [in Russian]

Kamarauli, 2018 – *Kamarauli, E.V.* (2018). Formirovanie poselencheskoy struktury v yuzhnykh uezdakh Rossii v pervoy polovine XVII v. (na primere Voronezhskogo uezda) [The formation of the settlement structure in the southern districts of Russia in the first half of the 17th century. (on the example of the Voronezh district)]. *Istoriya: Fakty i Simvoliy*. 3(16): 97-105. [in Russian]

Knyazhinskiy, 1995 – *Knyazhinskiy, B.P.* (1995). Ocherki po istorii Usmanskogo kraya (XVII–XIX stoletiya) [Essays on the history of the Usman region (XVII – XIX centuries)]. Lipetsk: Novaya zhizn', 271 p. [in Russian]

Kuts, 2009 – *Kuts, O.Yu.* (2009). Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina [Don Cossacks in the period from the capture of Azov to the speech of S. Razin]. Sankt-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 456 p. [in Russian]

Lyapin, 2018 – *Lyapin, D.A.* (2018). Tsarskiy mech: sotsial'no-politicheskaya bor'ba v Rossii v seredine XVII v. [The Tsar's Sword: Socio-Political Struggle in Russia in the Middle of the 17th century]. Sankt-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 336 p. [in Russian]

Lyapin, 2020 – *Lyapin, D.A.* (2020). Na okraine tsarstva: povsednevnyaya zhizn' naseleniya na Yuge Rossii v XVII v. [On the outskirts of the tsardom: everyday life of the population in the South of Russia in the 17th century]. Sankt-Petersburg, Dmitriy Bulanin, 416 p. [in Russian]

Lyapin et al., 2020 – *Lyapin, D.A., Afanas'eva, I.N., Korshikova, E.A.* (2020). Nekotorye formy organizatsii prostranstva povsednevnosti naseleniya krepostey-gorodov Tsentral'no-chernozemnogo regiona Rossii v XVII – pervoy polovine XVIII vv. [Some forms of organizing the space of everyday life of the population of fortresses-cities of the Central Black Earth region of Russia in the 17th – first half of the 18th centuries]. *Istoriya: fakty i simvoliy*. 1 (22): 85-93. [in Russian]

Lyapin, Proshunina, 2019 – *Lyapin, D.A., Proshunina, E.V.* (2019). Dokumenty o Russko-turetskoy voyne 1672-1681 gg. v fondakh gosudarstvennogo arkhiva Voronezhskoy oblasti [Documents about the Russian-Turkish war 1672-1681 in the funds of the state archive of the Voronezh region]. *Filo Ariadne*. 3: 21-30. [in Russian]

Maul', 2003 – *Maul', V.Ya.* (2003). Kharizma i bunt: psikhologicheskaya priroda narodnykh dvizheniy v Rossii XVII–XVIII vekov [Charisma and rebellion: the psychological nature of popular movements in Russia in the 17th-18th centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 217 p. [in Russian]

Novosel'skiy, 1948 – *Novosel'skiy, A.A.* (1948). Bor'ba Moskovskogo gosudarstva s tatarami v pervoy polovine XVII v. [The struggle of the Moscow state with the Tatars in the first half of the 17th century]. M.; L.: Izd-vo Akad. nauk SSSR, 448 p. [in Russian]

Otpiska Belgorodskogo voevody... – Otpiska Belgorodskogo voevody ob otsylke v Rozryad chelobitnoy kurchan i belgorodtsev, v koey oni prosyat o postroyke Oboyanskogo gorodishcha (1894). [Letter of the Belgorod governor about sending Kurchan and Belgorod residents to the petition, in which they ask for the construction of the Oboyansk settlement]. *AMG*. Pod red. N.A. Popova. Sankt-Petersburg, Izd-vo Tipografii imperatorskoy akademii nauk, T. II, pp. 69-70. [in Russian]

Otpiska mtsenskogo voevody... – Otpiska mtsenskogo voevody, chto Orlyane, dvoryane, deti boyarskie i vsyakiye uezdnye lyudi postavili v Orlovskom uezde chetyre ostrozhka, gde khoyat sidet' v prikhod voinskikh lyudey s zhenami i s lyud'mi (1894). [Letter of the Mtsensk governor that the Orlyans, noblemen, boyar children and all sorts of uyezd people put four prison in the Oryol district, where they want to sit in the parish of military people with wives and people]. *AMG*. Pod red. N.A. Popova. Sankt-Petersburg, Tipografii imperatorskoy akademii nauk, T. II, p. 4. [in Russian]

Papkov, 2017 – *Papkov, A.I.* (2017). Bunt ili izmena? Vosstaniya sluzhilykh cherkas na yuge Rossii v 40-e gody XVII veka (2017). [Riot or treason? Uprising of servicemen Cherkas in the south of Russia in the 40s of the 17th century]. *Istoriya: Fakty i simvoliy*. 4(13): 24-36. [in Russian]

Porshnev, 1957 – *Porshnev, B.F.* (1957). Sotsial'no-politicheskaya obstanovka v Rossii vo vremya Smolenskoy voyny [Socio-political situation in Russia during the Smolensk war]. *Istoriya SSSR*. 5: 112-140. [in Russian]

RGADA – Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov [Russian state archive of ancient acts]. [in Russian]

Shveykovskaya, 2012 – *Shveykovskaya, E.N.* (2012). Russkiy krest'yanin v dome i mire: Severnaya derevnya kontsa XVI – nachala XVIII veka [Russian peasant in the home and in the world: Northern village of the late 16th – early 18th centuries]. Moscow, Indrik, 366 p. [in Russian]

Stevens Belkin, 1995 – *Stevens Belkin, C.* (1995). Soldiers on the Steppe. Army reform and Social change in Early modern Russia. Northern Illinois, Northern Illinois University Press, 241 p.

Tsarskie gramoty... – Tsarskie gramoty na Korochu vovodam i chelobitnye korochochanskye tsaryam [Royal letters for Korocha to the governors and petitions to the tsar]. ChOIDR. Moscow, Universitetskaya tipografiya, 1859. Kn. 2, pp. 244-246. [in Russian]

Usenko, 1994 – Usenko, O.G. (1994). Psikhologiya sotsial'nogo protesta v Rossii XVII–XVIII vekov. [The psychology of social protest in Russia in the 17th-18th centuries]. Tver, Izd-vo TGU, Ch. 1, 91 p. [in Russian]

Vazhinskiy, 1974 – Vazhinskiy, V.M. (1974). Zemlevladienie i skladyvanie obshchiny odnodvortsev v XVII veke [Land tenure and the formation of a community of one-courtiers in the 17th century]. Voronezh, Izd-vo VGPI, 237 p. [in Russian]

Zagorovskiy, 1991 – Zagorovskiy, V.P. (1991). Istoriya vkhozhdeniya Tsentral'nogo Chernozem'ya v sostav Rossiyskogo gosudarstva v XVI veke [The history of the entry of the Central Black Earth Region into the Russian state in the 16th century]. Voronezh, Izd-vo VGU. 269 p. [in Russian]

Основные поведенческие модели населения Белгородской черты в середине XVII в.

Денис Александрович Ляпин ^{a, *}

^a Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, Российская Федерация

Аннотация. В 1640–1650-е годы для защиты южных рубежей страны был возведен обширный комплекс укреплений, получивший название «Белгородская черта». Изучение его истории представляет большой интерес для научного сообщества. В последнее время ученые прилагают усилия, чтобы понять, как проходил процесс строительства и осуществлялись сопутствующие ему социальные и военные преобразования на Юге России.

В центре внимания автора статьи находятся поведенческие модели местного населения, которые призваны помочь людям справляться с повседневными трудностями и реализовывать свои жизненные установки, нормы и ценности в определенных условиях. Эта важная тема остается за пределами внимания научного сообщества. В статье приводятся различные примеры поведения служилых людей: инициативное участие в военных действиях, присущий им патернализм и коллективизм, преобладание в их среде общественного интереса над частным. Также рассматриваются особенности менталитета и мировосприятия населения. Действия людей определялись общими представлениями о службе как о важнейшей категории общественной жизни. В этой связи важной чертой поведения человека была его инициативность и восприятие своих интересов в контексте действий ради пользы всего коллектива.

В заключении делаются выводы о том, что существовавшие в XVII в. модели поведения людей способствовали успешному строительству Белгородской черты, они заставляли человека чувствовать себя частью различных социальных групп и руководствоваться единой целью. Война воспринималась как неотъемлемая особенность общего мироустройства. Таким образом, эффективное строительство и функционирование крепостей Белгородской черты было напрямую связано с поведенческими моделями местного населения.

Ключевые слова: Белгородская черта, Центральное Черноземье, служилые люди, поведенческие модели, война, степь, татары.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: lyapin-denis@yandex.ru (Д.А. Ляпин)